

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ БЫЛИН
ИВАНА КАСЬЯНОВА
(текстологические заметки)

В последнее время в советской фольклористике заметно повысился интерес к углубленному изучению генеалогического соотношения фольклорных текстов.¹ Особенно плодотворны такие исследования на материале былин, так как в ряде районов Русского Севера записи производились в разное время от сказителей нескольких поколений. Установив характер и степень родства изучаемых текстов, исследователь получает возможность с гораздо большей определенностью судить об источниках репертуара отдельных певцов, об их вкладе в развитие локальной традиции, об особенностях и эволюции былинного репертуара конкретных регионов и т. п. Сопоставительный анализ позволяет также обнаружить фальсификации, выявить подправленные собирателями или издателями тексты, указать книжные источники, к которым генетически восходят некоторые записи былин.

В данной статье предпринята попытка выяснить источники эпического репертуара и некоторые особенности творческой манеры Ивана Аникеевича Касьянова. Поскольку былины этого сказителя рассматриваются на фоне эпической традиции всего Онего-Каргопольского края (бывш. Олонецкой губ.), а выводы основываются на текстологических наблюдениях, автор счел необходимым кратко охарактеризовать применяемую им методику сопоставительного анализа былинных текстов.

Доказывая общность корней двух или нескольких вариантов былин, исследователь неизбежно приходит к прямому сравнению анализируемых текстов. Однако по мере накопления материала такая задача становится все более трудоемкой. К примеру, любой из 120 олонечких вариантов «Добрыни и Алеши» может оказаться генетически связанным с любым олонечким текстом этой былины, поскольку не исключена возможность взаимовлияния фольклор-

¹ См., напр.: Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. — В кн.: V Междунар. съезд славистов. Докл. на засед. Эдиционно-текстолог. комис. М., 1963, с. 46; Ухов П. Д. Атрибуция русских былин. М., 1970 (далее: Атрибуция); Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова. — В кн.: Проблемы художественной формы. РФ, Л., 1974, т. XIV, с. 166—201.

ных традиций разных районов. Последовательно перебирая все имеющиеся записи, пришлось бы сличить друг с другом более 7000 пар вариантов «Добрыни и Алеши», т. е. работать наугад.

Очевидно, к непосредственному сопоставлению текстов необходимо обращаться лишь на заключительном этапе, которому должна предшествовать определенная систематизация материала. Чтобы не работать вслепую, исследователю нужны какие-то характерные детали, «особые приметы» в текстах, позволяющие быстро нащупывать возможные генетические связи между вариантами былин, концентрировать внимание на тех текстах, сравнение которых даст наиболее плодотворные результаты.

Где и как искать эти «особые приметы»? Сведения об источниках былин, сообщаемые собирателями со слов самих исполнителей, обычно носят слишком общий характер, а более конкретные указания нередко не подтверждаются данными текстологического анализа. Во многих случаях исследователю былин остается искать «особые приметы» в самих текстах.

П. Д. Ухов предложил использовать в качестве «ключа» так называемые типические места, основываясь на том, что они, как правило, у каждого сказителя отливаются в чеканные формулы, применяются во всех исполняемых им былинах и отличаются от соответствующих формул других певцов. И действительно, тщательный анализ типических мест в ряде случаев позволил П. Д. Ухову обнаружить такие схождения, которые свидетельствуют о несомненном родстве анализируемых вариантов. Однако, как справедливо отметил Б. Н. Путилов, бесспорно ценная в методологическом и практическом отношении работа П. Д. Ухова не свободна от преувеличений и неточностей.² На наш взгляд, П. Д. Ухов склонялся к абсолютизации типических мест, считая их близость чуть ли не единственным критерием для атрибуции былин, определения источников отдельных вариантов, выявления фальсифицированных текстов и т. п. На самом деле предложенный им «ключ» отнюдь не является универсальным и не гарантирует от промахов.³ Очень трудно, например, надеяться на успех при изучении прозаических пересказов былин (в них типические места теряют характер чеканных формул), стихотворных вариантов, бедных развернутыми описаниями. Вполне реальна такая ситуация: от «учителя» и «ученика» записаны варианты разных былинных сюжетов, в которых нет повторяющихся

² Путилов Б. Н. Искусство былинного певца. (Из текстологических наблюдений над былинами). — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966, с. 255—257.

³ Данные текстологического анализа не подтверждают его предположения об архангельском происхождении двух песен из песенников XVIII в., о влиянии мезенской традиции на былину «Добрыня и Алеша» М. Котовой; явно ошибочно утверждение, что безымянный вариант «Василия Игнатьевича и Батыги» в сборнике Рыбникова является повторной записью от И. Фелопова.

формул или их слишком мало для того, чтобы судить о влиянии одного сказителя на другого.

Спорным представляется и другое утверждение исследователя: «Близость типических формул в былинах свидетельствует об общих источниках этих былин или о том, что они восходят к одной традиции».⁴ Известно, что процесс усвоения новых сюжетов протекает по-разному у разных сказителей. «Начинающий» исполнитель, возможно, стремится запомнить не только основные эпизоды и мотивы, но и типические места (хотя и он может усваивать наиболее ходовые описания задолго до встречи со своим «основным» учителем, т. е. из других источников). А в распоряжении сказителя с большим репертуаром имеется богатый арсенал художественно-выразительных средств, из которых он наверняка многие использует, перенимая новую былинку.⁵ Например, два варианта былины «Илья Муромец и Калин-царь», записанные от Т. Рябинина П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, относятся к разным версиям сюжета и явно восходят к разным источникам, между тем все повторяющиеся в них типические места чрезвычайно близки.

Непосредственное сличение вариантов, которое П. Д. Ухов отвергал из-за его трудоемкости и ненадежности, — все-таки необходимый заключительный этап работы текстолога, сам по себе технически несложный. Главная трудность состоит в том, чтобы максимально сузить круг поисков, выбрать среди десятков былин именно те, генетическая связь которых наиболее вероятна. Надежным инструментом для этого могут служить местные версии, редакции и изводы былинных сюжетов.

Исследователи русского эпоса давно обратили внимание на то, что варианты одной и той же былины, записанные в разных областях, районах, группах деревень или даже у сказителей-одпосельчан, нередко весьма значительно отличаются друг от друга. Эти отличия касаются как идейной направленности произведений, трактовки образов былинных героев, так и характера обработки сюжета, системы художественно-выразительных средств. Их появление и закрепление обусловлено известной обособленностью былинных центров, образованием локальных эпических традиций, историей заселения тех или иных мест, а также индивидуальными вкусами сказителей. Применительно к целому ряду сюжетов можно говорить о выработке местных версий, редакций и изводов, для которых характерны свои специфические особенности. Усилиями советских ученых, в первую очередь А. М. Астаховой и В. И. Чичерова, выявлено довольно много особенностей местных олонекских обработок былин. Новые записи, которыми

⁴ Атрибуции, с. 153, 170.

⁵ См.: Черпачева Н. Г. 1) К исследованию типологического искусства былинного сказителя. — СЭ, 1976, № 5; 2) «Обучение» севернорусского былинного сказителя как типологическая проблема. — В кн.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976.

не располагали предшественники, позволяют расширить и углубить исследования в этой области, установить местные версии редакций и изводы примерно по двадцати сюжетам, зарегистрированным в Онего-Каргопольском крае.

Своеобразие каждой версии (редакции) определяется наличием целого ряда специфических элементов, начиная от оригинальных или редко встречающихся мотивов и их комбинаций и кончая отдельными подробностями, сравнениями, постоянными эпитетами и т. п. При выявлении генетически связанных между собой вариантов особого внимания заслуживают не стереотипные элементы, а редкие, малоупотребительные, так как они заключают в себе гораздо больше информации. Совпадение одного нестандартного мотива или детали в двух текстах может оказаться следствием их генетического родства и послужить «сигналом» для тщательного сличения. Результативным может быть и анализ типических мест, но и здесь лучше фиксировать не сам факт наличия в тексте тех или иных формул (почти все они общепотребительны), а содержащиеся в них необычные детали, словосочетания, поэтические образы.

Основные особенности, характерные для каждой версии, редакции или извода былинного сюжета, зафиксированы нами в карточках, наиболее важные элементы сведены в таблицы. С их помощью нетрудно определить, относится ли изучаемый текст к какой-либо из выявленных версий (редакций), и если относится, то к каким именно вариантам он наиболее близок. Окончательные выводы о родстве двух или нескольких текстов делаются после их непосредственного сличения. Степень достоверности таких выводов обычно прямо пропорциональна количеству обнаружения сходжений.

Обратимся теперь к конкретному объекту нашего исследования — былинам Ивана Аникеевича Касьянова. Этот любознательный, предприимчивый, довольно развитой для людей своего круга крестьянин из заонежской деревни Космозеро оставил после себя обширное и разнообразное по характеру наследство, в котором фольклористы разобрались далеко не сразу. Некоторые загадки, связанные с именем Касьянова, до сих пор не решены и еще ждут своих исследователей.

П. Н. Рыбникову, открывшему для науки былинное богатство Олонецкого края и особенно тщательно обследовавшему именно Заонежье, Касьянов не был известен. В этом нет ничего удивительного: в начале 60-х годов прошлого века, когда Рыбников развернул собирательскую деятельность, Касьянову было немногим более 30 лет, а в таком возрасте северные крестьяне редко отваживались публично исполнять былины и соперничать со стариками. К тому же Ивана Аникеевича в то время волновали совсем другие проблемы. Как сообщал о нем А. Ф. Гильфердинг, Касьянов — «грамотный, из старообрядцев, перешедший лет десять тому назад в единоверие... В прежнее время знал былины

весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его в единоверие, но, по словам Касьянова, заглушило былины в его памяти». ⁶ Дальнейшая судьба сказителя во многом была predetermined встречей с А. Ф. Гильфердингом, который вновь пробудил в нем интерес к народной поэзии. ⁷ В первый же день собиратель записал от него сводную былинку о Добрыне, включавшую три сюжета: «Добрыня и змей», «Добрыня и Настасья» и «Добрыня и Алеша». Затем последовали былины «Михайло Потык» и «Дюк Степанович», историческая песня «Земский собор» и баллада «Молодец и королева».

Будучи человеком недюжинного ума, Касьянов быстро переориентировался, понял, что собирание фольклора — не барская прихоть Гильфердинга, как ему поначалу казалось, а большое и нужное дело, и со свойственной ему энергией включился в эту работу. Показателен такой факт. В Чолмужах, при первом свидании с Гильфердингом, сказитель не мог припомнить былинку о Вольге и Микуле, но спустя всего несколько месяцев, вновь встретившись с Гильфердингом в Петербурге, пропел ее со слов своего соседа Иуды Егорова. ⁸ Тогда же от Касьянова была записана историческая песня о взятии Казани. «С этого времени он не только старается вспомнить то, что знал раньше, — пишет В. С. Бахтин, — но перенимает новые произведения. Умение петь былины теперь уже вызывало уважение не одних соседей. За выступление в 1871 году в Географическом обществе он был награжден бронзовой медалью... Кроме того, знание эпоса приносило и материальные выгоды. С целью сбора средств на церковь Касьянов неоднократно устраивал публичные выступления в различных городах... О его выступлениях писали газеты Москвы, Петрозаводска, Вильны, Варшавы». ⁹

В архиве ВГО хранится целое собрание фольклорных и этнографических материалов Касьянова, в том числе тексты духовных стихов, свадебных причитаний, заговоров, а также 6 былин и 5 эпических песен, не записанных Гильфердингом. ¹⁰ Сбор материалов был завершен к концу 1872 г. Исследования В. С. Бахтина показали, что тексты былин Касьянов записывал от самого себя, предназначая их для Гильфердинга. Часть эпических песен, в том числе былины «Иван Годннович» и «Наезд литовцев», была повторно записана Ф. М. Истоминным и Г. О. Дютшем в 1886 г. Таким образом, Иван Аникеевич Касьянов предстает

⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. II. Изд. 4-е. М.—Л., 1950 (далее: Гильф.), с. 536.

⁷ См.: Бахтин В. С. Дополнения к сборнику А. Ф. Гильфердинга. — РФ, М.—Л., 1957 (далее: Бахтин), т. II, с. 220—230.

⁸ Гильф., с. 536.

⁹ Бахтин, с. 225.

¹⁰ Архив ВГО, р. 25, оп. 1, № 12.

перед нами как крупный собиратель произведений устного народного творчества, талантливый сказитель, в репертуар которого входит, по подсчетам В. С. Бахтина, 20 былин, исторических песен и баллад (итоговая цифра, как будет показано ниже, нуждается в уточнении).

Долгое время фольклористы ограничивались такой общей характеристикой творческого наследия Касьянова, не вдаваясь в детали. Изредка отмечалось, что от него записан единственный в Олонецком крае вариант исторической песни «Взятие Казани», что некоторые былины Касьянова близки к вариантам П. Калинина и А. Чукова, а былина «Вольга и Микула» содержит ряд уникальных эпизодов, не известных по другим записям. И лишь в конце 40-х годов нашего века В. И. Чичеров, обратившись к сопоставительному анализу текстов, доказал близкое родство многих былин Абрама Чукова, Петра Калинина и Ивана Касьянова и на основании этого выделил так называемую космозерскую школу сказителей. Ее отличительными особенностями исследователь считал повышенный интерес исполнителей к приключениям героев, стремление к усложненному, развернутому изложению событий, приводящее к объединению разных сюжетов в единое стройное повествование. В. И. Чичеров был склонен возводить репертуар всех трех сказителей к одному источнику: «Их былины часто настолько близки друг другу, что отделить их не представляется возможным».¹¹ Объяснение такой поразительной близости напрашивалось само собой: дома Чукова и Калинина в д. Пудожская Гора стояли бок о бок, а отец Чукова — его главный, если не единственный учитель — родился и провел молодость на Косозере, где жпл и Касьянов. Однако следует оговориться, что В. И. Чичеров оперировал в основном вариантами Чукова и Калинина, и прежде всего сводными былинами о Добрыне; тексты Касьянова, не вошедшие в сборник Гильфердинга, не привлекли его внимания. Не ставил он вопроса и о соотношении вариантов трех сказителей, ограничившись констатацией их близкого родства.

Между тем, как убедительно показал П. Д. Ухов, к былинам Касьянова надо подходить с особыми мерками, так как их история весьма замысловата и необычна. В отличие от большинства северных сказителей Касьянов неизменно указывал собирателям точные «адреса» своих былин, перечисляя имена конкретных учителей. «Научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова», — сообщил он Гильфердингу.¹² а позднее, в беседе с акад. Ф. И. Буслаевым, назвал еще не-

¹¹ Чичеров В. И. Сказители Онега-Каргопольщины и их былины. — В кн.: Онежские былины. Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова. Подг. текстов к печати, прим. и словарь В. Чичерова. М., 1948 (далее: Онежские былины), с. 47.

¹² Гильф., с. 536.

сколько имен своих учителей. «В молодости Иван Аникич слушал былины у себя на родине от двух отличных певцов, Филиппа Клементьева Сизого и Трифона Иванова Злобина, а те учились пению у знаменитого тогда певца Михайлы Слепого, умершего 70 лет тому назад. Сам же Касьянов учился петь старины у товарища своего по рыболовству, Ивана Егорова Сперова, а Сперов перенял это искусство от дяди своего, калики переходжего», — писал корреспондент московской газеты «Современные известия», излагая доклад Ф. И. Буслаева о былинах космозерского певца.¹³

Уже тут начинаются странности и неувязки. Настораживает исчерпывающая обстоятельность сведений, которые интересуют собирателей, и ученых, но обычно не привлекают внимания сказителей — ведь для них генеалогия былин дело десятое. Еще более странным выглядит тот факт, что в разговоре с Ф. И. Буслаевым Касьянов ни словом не обмолвился об Иване Трофимове, на которого годом ранее указывал Гильфердингу как на главного своего учителя.

П. Д. Ухов решил проверить свидетельства певца с помощью объективных методов исследования (данные Ф. И. Буслаева он не привлекал, но это дела не меняет). Ученый внимательно проанализировал текст касьяновского свода о Добрыне, сопоставил встречающиеся в нем типические места с соответствующими формулами других сказителей и убедился, что самые близкие параллели к ним дают варианты Чукова. К такому же результату привело изучение былин Касьянова «Дюк», «Михайло Потык» и баллады «Молодец и королевна» — они чуть ли не дословно совпадают с текстами Чукова, вплоть до мелочей повторяя их композицию, имена собственные, словесное оформление отдельных эпизодов и т. п. Отмечая, что даже у сказителей, воспринявших былины от одного учителя, никогда не бывает столь близкого сходства, П. Д. Ухов приходит к выводу: «Следовательно, все эти тексты Касьянов воспринял непосредственно от Чукова, а не через посредство какого-либо другого сказителя (например, указанного Касьяновым Ивана Трофимова)».¹⁴ Текстологический анализ позволил П. Д. Ухову выявить еще одну закономерность: у Касьянова сохранены те детали былин Чукова, которые имеются в записях Рыбникова и отсутствуют в более поздних по времени записях Гильфердинга. Этот факт дает основания предполагать, что былины Чукова Касьянов мог заучить по печатному тексту. И хотя П. Д. Ухов не исключал устного заимствования былин Касьяновым, первая версия представляется нам более убедительной. Склонность Касьянова к расширению своего репертуара с помощью книги подтверждает записанная от него историческая песня «Взятие Казани». Как уже говорилось, она не

¹³ Современные известия, 1872, № 119.

¹⁴ Атрибуциц, с. 168.

характерна для эпической традиции Заонежья и ни от кого, кроме Касьянова, в этих местах не записывалась. П. Д. Ухов установил, что касьяновский текст восходит к песне из сборника Д. Чулова.¹⁵

Вопрос об отношении сказителя к книге имеет принципиальное значение не только в плане атрибуции его былин. Если удастся доказать, что Касьянов сознательно ориентировался на печатные источники, то во многом прояснится и психологическая подоплека его противоречивых сообщений об учителях. Именно человек, усвоивший былины по книге и пытающийся скрыть это, для большей убедительности способен назвать так много имен своих вымышленных предшественников, сообщить о них столь живописные подробности, как это сделал Касьянов. Зато имя своего настоящего учителя, пусть и «заочного» (в данном случае А. Чукова), в такой ситуации стараются не рекламировать. Приведенные выше факты, на наш взгляд, дают определенные основания для подобного предположения в отношении Касьянова.

Но не будем торопиться с окончательными выводами: в пользу устного заимствования былин Касьяновым у Чукова тоже можно привести довольно веские аргументы. Абрам Чуков был бродячим портным и, по его собственным словам, работал преимущественно в Заонежье. Следовательно, он вполне мог быть известен Касьянову. С другой стороны, в XIX в. научные издания былин выходили небольшими тиражами, и трудно представить, чтобы сборник Рыбникова оказался в глухом Космозере. (В популярные издания варианты Чукова еще не успели попасть, к тому же составители подобных сборников подвергали тексты редактированию, а Касьянов почти не отклонялся от «оригинала».) Наконец, в первом издании сборника Рыбникова былины сгруппированы не по сказителям, а по сюжетам. Для того чтобы из двухсот с лишним текстов выбрать чуковские, Касьянову надо было поставить перед собой именно такую цель. А разве не все равно ему было, чьи былины заучивать? Ведь заучил же он историческую песню «Взятие Казани», нисколько не смущаясь тем, что в Заонежье она не известна.

Разобраться в действиях Касьянова помогает привлечение всех известных науке текстов А. Чукова. Некоторые его эпические песни в сборнике Рыбникова представлены двумя вариантами: наряду с записями самого Рыбникова опубликованы более ранние записи, сделанные по распоряжению управляющего заводами Н. Ф. Бутенева.¹⁶ Сопоставительный анализ убеждает, что именно эти тексты легли в основу вариантов Касьянова. Например, в былине о Добрыне не говорится о том, что голос с неба

¹⁵ Там же.

¹⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. Изд. 2-е. М., 1909, с. XLIII, сообщ. А. Е. Грузинского (далее: Рыбн.); Гильф., с. 461—462, сообщ. А. Ф. Гильфердинга.

подсказывает богатырю, как победить змея и избавиться от его крови, заливающей все вокруг. В записи Рыбникова этот мотив имеется, а в записи Бутенева его нет. У Касьянова, как и в варианте из бумаг Бутенева, Настасья Микулична «повыкинет Добрыню из кармана», а в записи Рыбникова — «повыздынет» и т. п. В балладе «Молодец и королева» нет скоморошьей припевки, которой завершается текст Чукова в записи Рыбникова. В былине «Михайло Потык» весть о похищении жены богатырю приносит Добрыня, как и у Чукова в первой записи (во второй в роли вестника выступает Илья Муромец).

О характере разночтений в варианте Касьянова и в двух записях от Чукова можно судить по таким примерам из «Михайла Потыка».

К а с ь я н о в: Пригласили старчища во компанию.

Ч у к о в: Пригласили его во компанию

(запись для Бутенева).

Ч у к о в: Говорят они калики перехожи:

«Пойдем с нами, старчищо-пиригримищо»

(запись Рыбникова).

Порой Касьянов повторял даже «исправления» писаря, которые искажают строй былинного стиха. Например, вместо традиционной формы «в Турецию» употребил литературное «в Турцию», из-за чего нарушилась рифмовка «Турецию—Швецию».

Одним из доказательств того, что Касьянов пользовался печатным текстом, а не перенимал былины Чукова на слух, могут служить концовки его былин. Касьянов в основном повторяет оригинальную формулу Чукова, но его, очевидно, смущало слово «тишину», поставленное в конце строки. Если придерживаться нормативного ударения, то не получится дактилического окончания стиха. (Чуков при пении переносил ударение на первый слог, но при печатании былин это редко отмечалось). Пришлось Касьянову реконструировать эту строку, даже в ущерб ее синтаксической цельности. Ср.:

Ч у к о в: Синему морю-то на тишину,

А вам, добрым людям, на послушанье.

К а с ь я н о в: Синему морю тишину́ дают,

А вам всем, добрым людям, на послушанье.

Итак, данные текстологического анализа свидетельствуют о том, что Касьянов воспользовался былинами, записанными от Чукова по поручению Бутенева. Но тут есть еще одно обстоятельство, которое надо как-то объяснить. В первом издании собрания Рыбникова не указано, что эти былины исполнял Чуков; обозначено только место записи — «Олонецкая губерния» и источники текстов — «от Н. Ф. Б.». Случайно выбрать именно

эти варианты практически невозможно, а чтобы «опознать» в них былины Чукова по каким-то стилистическим особенностям, Касьянову нужно было быть профессиональным фольклористом. Все недоумения разрешаются очень просто. В 1859 г. рукописи Бутенева попали в руки П. Н. Рыбникову, и он, еще не зная, от кого записаны эти былины, опубликовал их в «Олонецких губернских ведомостях»,¹⁷ а позднее включил в первый том своего сборника. Принадлежность этих текстов Чукову была установлена позднее. Местная газета вполне могла оказаться в доме Касьянова, большого любителя чтения (тем более, что он несколько лет был даже волостным судьей).

Из всего сказанного выше следует, что большинство текстов, записанных от него Гильфердингом, И. А. Касьянов усвоил из печатных источников. Предположение П. Д. Ухова получает новые подтверждения. Выйдя за пределы сборника Гильфердинга, П. Д. Ухов снова столкнулся с аналогичными фактами. Анализ былины о Ставре Годиновиче, записанной Касьяновым, привел исследователя к тому же источнику — варианту Чукова. Касьянов взял былинку Чукова за основу, внес незначительные изменения в некоторые постоянные формулы (например, в формуле хвастовства на пиру вместо «иный хвастает шелковым портом» употреблено «шелковым платком»), изменил имена главных героев («Настасья Никулчна» вместо «Василисты Никулчны», «Астоверст Годинович» вместо «Ставра Годиновича»), в диалогах использовал несвойственную народной поэзии форму обращения на «вы» и т. п. Однако даже такая простая на первый взгляд операция, как замена имени главного героя, оказалась довольно каверзной. В чеканную былинную формулу, построенную на использовании имени Ставра, громоздкий «Астоверст» не укладывался, и Касьянову пришлось капитулировать, оставив в этом месте прежнее имя:

Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра — разгневить посла.

«Почти безошибочно можно утверждать, что Касьянов, имея перед собой текст былины Чукова (возможно, даже печатный), создал новое произведение. От народной былины произведение Касьянова отличается своей нарочитой установкой не быть похожим на все другие произведения. С точки зрения науки это — та же фальсификация», — заключил свои разыскания П. Д. Ухов.¹⁸ (Заметим, что былина Чукова о Ставре тоже была опубликована в «Олонецких губернских ведомостях», так что Касьянов в данном случае шел по проторенной дорожке.)

Ранняя смерть П. Д. Ухова прервала его интереснейшие исследования в области атрибуции русских былин, выявления фаль-

¹⁷ Олон. губ. вед. (далес: ОГВ), 1859, № 30, 32, 34, 37, 39.

¹⁸ Атрибуции, с. 152.

сифицированных текстов. Можно не сомневаться, что в его творческие планы входило изучение всех текстов, связанных с именем Касьянова. Однако главное П. Д. Ухов успел сделать — доказал искусственный характер ряда былин космозерского сказителя. Естественно поэтому, что оставшиеся за пределами анализа два текста Касьянова (записи 1886 г., которым предшествовали собственноручные записи сказителя) и три былины, известные только в его собственных записях (1871—1872 гг.), вызывают закономерные сомнения у специалистов. Каждый текст Касьянова — своеобразная филологическая загадка, ибо нельзя поручиться, что перед нами не книжное заимствование. Попытаемся определить, к каким вариантам ближе всего былины «Илья Муромец и Калин-царь», «Василий Игнатьевич и Батыга» и «Василий Буслаевич», записанные Касьяновым,¹⁹ и действительно ли он их записал, а не переписал по печатному тексту. Воспользуемся для этого изложенной выше методикой сопоставления текстов эпических песен.

Былина «Василий Игнатьевич и Батыга» в Олонецком крае на редкость стабильна по композиции, варьирование касается лишь отдельных деталей, запева и развернутой скоморошьей концовки, которые встречаются в некоторых текстах. Касьяновская запись принадлежит к этому общему типу. И все же отдельные словосочетания, характерные обороты речи позволяют утверждать, что самой близкой к исследуемому варианту является былина, записанная П. Н. Рыбниковым от калики из Красной Ляги (село, расположенное неподалеку от Каргополя, — Ю. Н.). Правда, в опубликованном тексте Касьянова нет концовки, но в рукописи она есть и следует сразу же за былинной о Василии Игнатьевиче. Видимо, издатели сочли ее за самостоятельное произведение и не опубликовали. Записанная Касьяновым скоморошья припевка почти дословно повторяет концовку былины калики из Красной Ляги.

Что же представляет собой вариант Касьянова — подлинную запись или фальсификацию? Может быть, Касьянов все-таки имел сборник Рыбникова? Обратимся снова к текстам и сравним различия между этими двумя вариантами. Оставим в стороне перестановки отдельных слов, стяжение двух-трех стихов в один — это явление закономерное, не раз отмечавшееся собирателями при повторных записях былин. Встречаются подобные факты и в записи Касьянова. Но в этом небольшом по объему тексте есть три слова, замену которых можно объяснить только тем, что Касьянов не имел перед глазами печатного текста, он записывал былину, воспринимая ее на слух, и некоторые выражения просто не понял, истолковал по-своему. Если бы перед ним был сборник Рыбникова, такие замены вряд ли были бы возможными.

¹⁹ Русские былины старой и новой записи. М., 1894, отдел II, № 12, 38, 61.

Калика из Красной Ляги для описания огромного татарского войска, вторгшегося на русскую землю, использовал такую формулу:

И не вешняя вода *облеелела*,
Обступила кругом сила поганая.²⁰

Выделенное слово не встретилось нам в словарях, но его семантика устанавливается из контекста — речь идет о паводке, о вешних водах, заливающих речные долины. Касьянов не понял смысла этого художественного сравнения и записал так:

Что ль не вешняя вода *обмелела*,
Обступила кругом сила поганая.

В былине каргопольского певца есть такие строки:

И солнышко наш Владимир-князь
Пошел по кружалам государевым,
По тем ли по царевым кабакам,
По кабакам, по *питейным* домам.

Касьянов последнюю строку записал иначе: «И по *темным* домам». Снова явная порча текста, вызванная тем, что собиратель или недослышал, или записал неразборчиво, а впоследствии, переписывая былинку набело, расшифровал эту строку столь неудачно.²¹ И последний пример. В былине калики несколько раз описывается, как угощают Василия Игнатьевича:

Наливает ему чару зелена вина,
Зеленого вина полтора ведра,
Другую наливает пива пьяного,
Третью *рюму* меду сладкого.

Касьянов в последнем стихе опять допускает домысел:

И третью *рыну* меду сладкого.

Таким образом, изучение рукописи Касьянова свидетельствует о том, что перед нами подлинная запись, а не подделка, подобная былине об «Астоверсте Годиновиче». Значит, с каликой из Красной Ляги Иван Аникеевич определенно встречался и записывал от него «с голоса». В самой встрече людей, живших в сотнях верст друг от друга, нет ничего необычного. Калики переходящие, к которым относился и каргопольский певец, — это профессиональные исполнители духовных стихов, ходившие по деревням и зарабатывавшие на хлеб своим искусством. Рыбников, например, впервые встретился с Иваном Фепоновым, слепым певцом с Пудогы, на Шуньгской ярмарке, где и записал от него

²⁰ Рыбн., № 194.

²¹ Впрочем, в данном случае возможна ошибка при наборе — у Касьянова очень неразборчивый почерк.

одну былину. Калика из Красной Ляги еще до встречи с Рыбниковым явно бывал в Заонежье и даже был неплохо знаком с местной эпической традицией — об этом можно судить по второй половине его былины «Добрыня и Алеша»,²² в которой встречаются особенности, характерные именно для заонежской редакции этого сюжета (в роли вестников выступают «голуби кормленные», нет сцены узнавания Добрыни матерью и т. п.). С другой стороны, и сам Касьянов в 70-е годы много путешествовал, судьба вполне могла забросить его в Каргопольский край.

Былина о Василии Буслаевиче, скорее всего, тоже записана Касьяновым от калики из Красной Ляги. В ней обнаруживаются все необычные детали, эпизоды, содержащиеся в варианте каргопольского сказителя. А вариант этот своеобразен, в нем немало редких или даже уникальных подробностей.²³ Сооставление записей Рыбникова и Касьянова дает интересный материал для суждений о методике собирательской работы последнего. Касьянов записывал очень точно, с сохранением особенностей местного говора, тщательно фиксировал каждое слово, в том числе и повторяющиеся предложения, различные частицы, необходимые для сохранения четкого ритма. В этом отношении у косозерского крестьянина могли бы поучиться многие профессиональные филологи того времени. Однако в ряде мест Касьянов не удерживался от редактирования: стремясь «улучшить» записанный вариант, он сознательно вносил в него некоторые изменения, вводил отдельные выражения, знакомые ему по другим былинам. Так, Касьянов переименовал «реченьку Волхову», название которой ему, вероятно, не было знакомо, в традиционную для русского эпоса «Пучай-реку», но в то же время сохранил название моста «Волхов мост». В словесной перепалке на Иордан-реке собиратель заменил «женщину престарелую» «девицей прекрасивою» (видимо, ему показалось нелогичным, что Василий Буслаевич угрожает обесчестить старуху). Явно некстати в былинку включена формула из «Наезда литовцев»:

И собрались тут мужики повгородские:
Идной-то пьет нападкою,
А идной-то пьет рукавицю.

Этот перенос нелогичен — в «Наезде литовцев» князь Роман испытывает воинов тем, как они пьют воду из реки (кстати, там пьют не «рукавицю», а «шеломами» или «почерпушками»), а в былине о новгородском удалце речь идет о том, как гости пьют вино на пиру. (Заметим, что былина о наезде литовцев от калики из Красной Ляги не записывалась, а Касьянов ее знал.) Имя матери Василия Буслаевича в записи Рыбникова — *«Емельфа*

²² Рыбн., № 193.

²³ Там же, № 198.

Тимофеевна», а в касьяновской — «*Мальфа* Тимофеевна» (такое же женское имя встречается в ряде былин самого Касьянова). Наконец, завершается былина концовкой: «Синему морю тишину дают, а вам всем, добрым людям, на послушанье». В записи Рыбникова такой концовки нет, но ее очень часто употреблял А. Чуков, а вслед за ним «взял на вооружение» и Касьянов.

Кстати, и в былинах, записанных от него А. Ф. Гильфердингом, Касьянов не всегда буквально повторял тексты Чукова, а видоизменял некоторые выражения. Скажем, пир у князя Владимира он постоянно именует «*многочетным*» (у Чукова — «*почетный пир*»), на него собираются «*гости званьи-избраньи*» (у Чукова — «*званные-браные*»); вместо диалектного слова «перепалася» Касьянов употребил литературный синоним «испугалася»; в обычной для олонечкой традиции формуле Чукова «без бою, без драки-кроволития» заменил грубоватое слово архаизмом — «*без брани*, без бою-кровопролития» и т. п. В устойчивых формулах-описаниях Касьянов чаще Чукова прибегает к различным повторам.

Третья былина, записанная космозерским крестьянином, — «Илья Муромец и Калин-царь». С ней дело обстоит сложнее, поскольку в репертуаре калики из Красной Ляги она не значится. Но есть в сборнике Рыбникова безымянный вариант с пометкой «*Каргопольский уезд*».²⁴ Он-то и оказывается самым близким к записи Касьянова. Количество совпадений и их характер позволяют считать эти два текста разными по времени записями от одного и того же певца — различий здесь не больше, чем между первыми и повторными записями от таких сказителей, как Т. Рябинин, А. Чуков, Н. Прохоров и др. Вместе с былиной И. Фепопова²⁵ эти два варианта составляют особую редакцию сюжета, для которой характерен целый ряд оригинальных мотивов и деталей (царь Калин выбирает посла-переводчика, который «знает говорить по-русскому, толмачить по-татарскому»; Илья Муромец обещает Самсону взять на себя грех за нарушение завета не защищать князя Владимира и др.). Однако текст Фепопова гораздо дальше отстоит от обоих сравниваемых вариантов.

Вполне допустимо предположить, что и эту былинку Касьянов записал от того же калики из Красной Ляги. Доказать это можно путем сопоставления некоторых оригинальных формул. В обоих сличаемых вариантах «Ильи и Калина», а также в былине калики из Красной Ляги «Василий Игнатьевич и Батыга» традиционный для олонечких сказителей ультиматум вражеского царя несколько расширен:

Чтобы отдал стольный Киев-град
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволития.

²⁴ Там же, № 205.

²⁵ Гильф., № 57.

Для описания вражеского войска использовано синонимичное словосочетание «набрано-заправлено»:

У всех силы было набрано,
У всех было силы заправлено...

В записи Касьянова Илья укоряет коня:

Ах ты волчья сыть, травяной мешок!
По лесу ты или не лесывал,
По войнам ли ты не воювал?

Принадлежность этой оригинальной формулы калике из Красной Ляги нетрудно установить — аналогичное обращение богатыря к коню есть в его былинне «Илья Муромец и Соловей-разбойник»:

Ах ты волчья сыть, травяной мешок!
И по лесу ли ты не лесывал,
И по вою ты не воювал,
И не видел ты птички-синички?

В безымянном варианте этой формулы нет. В записи Касьянова встречается еще одна довольно редкая формула: «Покатилась бы твоя голова, как пугвица». В безымянном варианте она отсутствует, но отмечена нами в былинах калики из Красной Ляги: «Покатилась у Невежи голова, будто пугвица» («Добрыня и Алеша»); «головой вертит, будто пугвицей» («Василий Буслаевич»). И еще одно важное совпадение. Корреспондент Рыбникова, записавший безымянный вариант, не понял и извратил одну из оригинальных формул:

И скоро скажется, а по узку дело деется.

Эта формула точно записана самим Рыбниковым в былинне калики из Красной Ляги «Дюк Степанович»:

И скоро скажется, а по успеху дело исправляется.

Есть она и в рукописи Касьянова, но случайно пропущена при публикации:²⁶

А скоро скажется, а по успехам дело исполняется
(между стихами 198 и 199).

Таким образом, есть все основания утверждать, что безымянный вариант «Ильи и Калина» в сборнике Рыбникова и запись Касьянова — тексты одного сказителя, а был этим сказителем калика из Красной Ляги. Наличие в записи Касьянова ряда де-

²⁶ Следует отметить, что при публикации записей Касьянова в сборнике Тихомирова—Миллера допущено немало ошибок и неточностей: пропущены отдельные слова и строки, некоторые выражения подверглись незначительному редактированию, введены повторы, которых нет в рукописи.

талей, отсутствующих в безымянном варианте, но встречающихся в других былинах каргопольского певца, лишний раз свидетельствует, что и на этот раз Касьянов записывал былинку, а не пользовался печатным текстом.

Переписывая былинку набело, Касьянов вновь не удержался от соблазна дополнить ее отдельными формулами, которых нет ни в тексте, опубликованном Рыбниковым, ни в других былинах каргопольского певца. Видимо, эти традиционные формулы не были известны калике из Красной Ляги, но их хорошо знал Касьянов. Эти дополнения вписаны его рукой на полях или между строк — т. е. явно при контрольном чтении текста, когда рукопись уже была готова. Касьянов распирил описание избияния татарского войска Ильей Муромцем:

Оп гнется, татарин, а не ломится,
А крепок на жильях, а не сорвется.

Разбуженный стрелой Ильи, попавшей ему в нательный крест, Самсон восклицает:

Если б не крест, так живу не бывать!

Уезжая от Киева, Калин-царь

На царский костыль опирается,
А сам-то он проклинается.

Знакомство с рукописями И. Касьянова позволяет с большой долей вероятности установить имя калики из Красной Ляги. Естественно предположить, что от профессионального исполнителя духовных стихов набожный собиратель-крестьянин должен был записывать не только былины, но и песни религиозного содержания. И действительно, в собрании Касьянова есть 5 текстов духовных стихов, под одним из них отмечено: «Изо слов слепца Петра Кирилова Дьячкова. 60 лет. Трех годов ослеп. Каргопольского уезда Краснолятской волости деревни Шелны».²⁷

В. С. Бахтин обратил внимание на это сообщение Касьянова и полностью воспроизвел его в своей статье,²⁸ но не придал ему особого значения, поскольку был уверен, что Касьянов записывал былины от себя. К тому же исследователю не удалось расшифровать название Краснолядской волости, а именно оно наводит на правильный след. Название этой волости в XIX в. слегка варьировалось: то «Красная Ляга», то «Красная Ляда». (Например, Рыбников в «Заметке собирателя» писал «Краснолядский погост», а в других местах своего сборника и в письмах к И. И. Срезневскому — «Красная Ляга»). Видимо, почти не рискуя ошибиться, можно утверждать, что калика из Красной Ляги и Петр Кириллович Дьячков — одно и то же лицо.

²⁷ Архив ВГО, р. 25, оп. 1, № 12, с. 57.

²⁸ Бахтин, с. 222.

Несколько слов о двух последних былинах Касьянова — «Иван Гоудинович» и «Наезд литовцев».²⁹ Записаны они в 1886 г. Истоминым и Дютшем, но обе эпические песни были в упоминавшейся выше рукописи сказителя, относящейся к 1871—1872 гг. Первую былинку Касьянов, очевидно, перенял у калики из Красной Ляги. Верный своему обыкновению, он чуть ли не дословно повторяет текст своего учителя, что заметно облегчает работу исследователя. В обоих вариантах совпадает сюжетная схема, большинство типических мест, а главное — имеются некоторые детали, неизвестные по другим записям (исключение составляют варианты пудожских сказителей Логиновых, принадлежащие к той же редакции сюжета³⁰). Отправляясь добывать невесту, Иван Гоудинович берет с собой «Ефимку слугу-Паромка» (у Касьянова — «паробка»); Кощей Трапетович и Настасья призывают богатыря к ракитовому кусту (у других певцов — к дубу); Кощей стреляет в голубей (птичку) по просьбе Настасьи, которая говорит, что они посланы из Киева и если их отпустить, то киевские богатыри поспешат на выручку к Ивану Гоудиновичу. Нововведения Касьянова немногочисленны и касаются частностей. Он слегка видоизменил отчество героя («Гординыч», «Гординович» вместо «Годенович» у каргопольского калики), ввел в постоянные формулы некоторые художественные образы, характерные для заонежской традиции; например, описывая поведение богатыря на пиру, к строкам:

Он не ест, не пьет Иван да ведь не кушает,
Белой лебедушки Иван да ведь не рушает —

добавил типично заонежскую подробность:

Белым сахаром Иван да не закусывает.

Видимо, Касьянов и эту былинку записал от калики из Красной Ляги, а позднее заучил ее по рукописи.

Об истоках «Наезда литовцев» трудно сказать что-либо определенное. Вариант Касьянова остается в русле прионежской традиции, хотя и не лишен известного своеобразия. На наш взгляд, Касьянов усвоил эту былинку, как и «Вольгу и Микулу», от какого-то местного сказителя, оставшегося неизвестным науке. Возможно, что и в этом случае Иван Аникеевич воспользовался своей грамотностью: сначала записал былинку, тщательно отредактировал ее, а потом заучил. Между прочим, к таким же приемам позднее прибегал тубозерский сказитель Н. Кигачев — даже создавая в форме былин новые произведения о советской действительности, он сначала записывал свой текст, а потом заучивал его.³¹

²⁹ Русские былины старой и новой записи... № 43, 69.

³⁰ Онежские былины, № 41; Архив ИЯЛИ, к. 2, № 40.

³¹ Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941, с. 35.

Суммируя данные В. С. Бахтина, текстологические разыскания П. Д. Ухова и изложенные в нашей статье дополнительные факты, можно сделать следующие выводы. От Касьянова или самим Касьяновым записано около 20 эпических песен,³² однако при изучении устной былинной традиции к материалам Касьянова следует подходить дифференцированно. Часть текстов Касьянова непосредственно восходит к вариантам А. Чукова, опубликованным в «Олонецких губерньских ведомостях» (сводная былина о Добрыне, включающая три сюжета: «Михайло Потык», «Дюк», «Молодец и королева»), с этим же источником связана былина о Ставре, якобы записанная сказителем. Три былины Касьянов записал от калики из Красной Ляги, точнее — от Петра Кирилловича Дьячкова («Илья и Калин», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Василий Буслаевич»), а четвертую, слышанную им от того же певца, впоследствии заучил по рукописи («Иван Годинович»). Безымянный вариант «Илья и Калина» в сборнике Рыбникова, очевидно, также принадлежит калике из Красной Ляги. К сборнику Чулова (ч. I, № 125) восходит историческая песня «Взятие Казани». Остальные эпические песни Ивана Анникеевича (былины «Вольга и Микула», «Наезд литовцев», исторические песни «Гнев Ивана Грозного на сына», «Кострюк», «Земский собор» и скоморошина «Птицы и звери»), скорее всего, связаны с устной традицией. Во всяком случае среди известных нам публикаций близких параллелей к текстам космозерского сказителя обнаружить не удалось.

Большинство эпических песен Касьянов заучивал по печатным изданиям или рукописям. Этим объясняется почти буквальная тождественность произведений Касьянова и первоисточников, этим обусловлены и некоторые особенности творческой манеры певца. Если другие сказители обычно унифицировали свой запас постоянных формул, выбирая из двух-трех известных им вариантов одно описание, то в былинах Касьянова, восходящих к разным источникам, одно и то же типическое место нередко оформляется по-разному. Не исключено, что перед каждым публичным выступлением Касьянову приходилось обновлять в своей памяти тексты эпических песен, перечитывая их. Может быть, в этом и таится секрет парадокса: Касьянов не раз демонстрировал свое искусство перед городской публикой, а «дома... былины не пел», как утверждал один из его сыновей.³³ И не случайно у И. А. Касьянова в сущности не оказалось преемников — от его потомков записано много сказок, лирических песен и лишь один слабый вариант былины «Вольга и Микула». Показательно, что сохранилась именно эта былина, восходящая не к печатному источнику, а к устной традиции Заонежья.

³² Из перечисленных В. С. Бахтиным 20 сюжетов следует исключить упоминающуюся выше шуточную припевку и историческую песню о Петре I, текст которой не был записан.

³³ Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, с. 323.